

**Интегративная концепция
социальной напряженности — методология,
концептуальная схема, прагматика**

Аннотация

В статье предложена интегративная концепция социальной напряженности. Актуализация проблемы обосновывается размытостью дефиниций социальной напряженности, наличием многих понятий-спутников (конфликт, война, борьба, протест, сопротивление, аномия и т.д.) с неопределенным статусом по отношению к СН, а также неопределенностью с пониманием того, как связаны между собой проявления социальной напряженности на макро-, мезо- и микроуровне социальной реальности.

На основе парадигмы сложности (complexity theory), практической парадигмы (П.Бурдье), сетевого подхода (Б.Латур) и предложенного концепта “социальной ткани” сформирован понятийный каркас, с помощью которого построена основная концептуальная схема. Последняя представляет собой трехфазную динамическую модель социальных изменений, где социальная напряженность выступает основным параметром фазовых переходов между качественно различными состояниями общества. Это следующие состояния: 1) стабильность; 2) конструктивно-адаптивная нестабильность; 3) деструктивная нестабильность. Обосновано, что доминирующая поведенческая реакция на рост СН и доминирующий способ выхода из ситуации в каждой из выделенных общественных фаз будут различными: 1) стабильность — биографический способ; 2) конструктивно-адаптивная нестабильность — локальные конструктивные солидарные коллективные действия; 3) деструктивная нестабильность — масштабные деструктивные коллективные действия, протесты, конфликты, революции.

В рамках предложенной модели социальная напряженность получает свою трактовку на каждом из уровней социальной реальности: макро — разрыв социальной ткани; мезо — разрушенность устоявшихся практик сетевых взаимодействий; микро — габитуальный кризис, кризис эмоциональных состояний.

Указано на нелинейность и неоднозначность векторов возможных фазовых переходов между общественными состояниями, и показано решающее значение менеджмента СН в процессе перехода системы из одного состояния в другое. Отмечено, что мониторинг изменений в повседневных практиках сетевых взаимодействий и соответствующих эмоциональных состояний членов общества является ключевым моментом в выработке адекватных менеджерских решений.

Ключевые слова: *Социальная напряженность (СН), парадигма сложности, социальная ткань, практики сетевых взаимодействий, габитуальный кризис, фазовые системные переходы, менеджмент социальной напряженности*

ЛЮБОВ БЕВЗЕНКО,

доктор соціологічних наук, провідний науковий співробітник Інституту соціології НАН України, Київ

Інтегративна концепція соціальної напруженості — методологія, концептуальна схема, прагматика

Анотація

У статті запропоновано інтегративну концепцію соціальної напруженості. Актуалізація проблеми обґрунтовується розмитістю дефініції поняття соціальної напруженості, наявністю багатьох понять-супутників (конфлікт, війна, боротьба, протест, супротив, аномія тощо) з невизначеним статусом стосовно СН, а також браком розуміння того, як пов'язані між собою прояви соціальної напруженості на макро-, мезо- та мікрорівні соціальної реальності. На підставі парадигми складності (complexity theory), практичної парадигми (П.Бурдьє), мережевого підходу (Б.Латур) та запропонованого концепту "соціальної тканини" сформовано поняттєвий каркас, за допомоги якого побудовано основну концептуальну схему. Остання являє собою трифазну динамічну модель соціальних змін, де соціальна напруженість виступає головним параметром фазових переходів між якісно відмінними станами суспільства. Це такі стани: 1) стабільність; 2) конструктивно-адаптивна нестабільність; 3) деструктивна нестабільність. Обґрунтовано, що домінуюча поведінкова реакція на зростання СН і домінуючий спосіб виходу із ситуації в кожній із виокремлених суспільних фаз будуть різними: 1) стабільність — біографічний спо-

сіб; 2) конструктивно-адаптивна нестабільність — локальні конструктивні солідарні колективні дії; 3) деструктивна нестабільність — масштабні деструктивні колективні дії, протести, конфлікти, революції.

У рамках запропонованої моделі соціальна напруженість дістає трактовку на кожному з рівнів соціальної реальності: макро — розрив соціальної тканини; мезо — порушення усталених практик мережових взаємодій; мікро — габитуальна криза, криза емоційних станів.

Вказано на нелінійність та неоднозначність векторів можливих фазових переходів між суспільними станами і показано вирішальне значення менеджменту СН у процесі переходу системи з одного стану в інший. Наголошено, що моніторинг змін у повсякденних практиках мережових взаємодій та відповідних емоційних станів членів суспільства є ключовим моментом у продукуванні адекватних менеджерських рішень.

Ключові слова: соціальна напруженість (СН), парадигма складності, соціальна тканина, практики мережових взаємодій, габитуальна криза, фазові системні переходи, менеджмент соціальної напруженості

LIUBOV BEVZENKO,

Doctor of Social Sciences, Senior Research Fellow, Department of Social Psychology, Institute of Sociology of NAS of Ukraine, Kyiv

Integrative Concept of Social Tension: Methodology, Conceptual Scheme, Pragmatics

Abstract

The paper proposes an integrative concept of social tension (ST). The relevance of the issue is determined by vague definitions of social tension itself, by a fairly large number of satellite concepts (conflict, war, struggle, protest, resistance, anomie, etc.), which have an uncertain status with respect to ST, as well as by lack of understanding of how manifestations of social tension at the macro-, mezo- and microlevel of social reality are related to each other.

Using complexity theory, P. Bourdieu's practical paradigm, B. Latour's network approach and the suggested concept of "social fabric", the author has built a conceptual framework underlying the basic conceptual scheme. The latter is a three-phase dynamic model of social changes, where social tension acts as the main parameter of phase transi-

tions between qualitatively different states of society such as: a) stability; b) structural-adaptive instability; c) destructive instability. It is substantiated that the dominant behavioural response to the increasing social tension and the dominant way to handle a particular situation in each of the designated social phases will be different: a) stability — biographical; b) constructive-adaptive instability — local collective actions, usually constructive and solidaristic by nature; c) destructive instability — massive collective actions like protests, conflicts, revolutions, which are destructive by nature.

Within the framework of the proposed model, social tension is interpreted at each of the levels of social reality in the following way: a) macro — disruption of the social fabric; b) mezo — destruction of the established practices of network interactions; c) micro — habitual crisis, crisis of emotional states.

The author draws attention to the non-linear and ambiguous character of vectors of possible phase transitions between different states of society, stressing the crucial importance of ST management during transition from one state to another. It is noted that the monitoring of changes in people's everyday practices of network interactions and in their corresponding emotional states is a key element of producing adequate managerial solutions.

Keywords: *social tension (ST), complexity paradigm, social fabric, practices of network interactions, habitual crisis, phase and systemic transitions, management of social tension*

1. Актуальность

Ключевой темой, вокруг которой будет построена данная статья, является тема социальной напряженности. При всей интуитивной очевидности ее актуальности последовательно артикулировать это оказывается не так просто. И тому есть множество причин.

Начинать обсуждение актуальности темы с апелляции к работам, констатирующим кризовость, нестабильность, непредсказуемость современного мира, стало, с одной стороны, весьма распространенным приемом, а с другой — уже и довольно банальным. И в этом состоит определенная интрига. Десять-пятнадцать лет назад в таких утверждениях и цитировании социологов-классиков данного подхода (З.Бауман, У.Бек, П.Штомпка, Ф.Фукуяма, И.Валлерстайн, Э.Гидденс, Н.Луман, Э.Тотфлер и др.) была некая неожиданность и новизна; это выглядело вызовом на фоне латентных ожиданий мировой стабилизации, интеграции, единства, основывавшихся на идее глобализации, мультикультурализма, универсализации ценностей и т.п. В то, что кризовость и нестабильность временны и все быстро вернется к долгожданному мировому равновесию, верили даже те, кто много писал о кризисе. Тему устойчивого развития обсуждали широко и уверенно. Казалось — нужно лишь обратить на это внимание, осознать, приложить немного усилий и все нормализуется.

Но сейчас ситуация изменилась, и суть ее можно выразить следующим парадоксальным образом — стабильными стали именно нестабильность и кризис, причем этот кризис постоянно углубляется и увеличивается в ареалах охвата.

Недавно появился масштабный юбилейный доклад членов Римского клуба (50 лет деятельности: 1968–2018) под названием “Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet” [Weizsae-

sker, Wijkman, 2018]. Поскольку с переводом здесь нужно быть крайне осторожными, я привожу в оригинале. Но суть этой основательной, многоплановой, системной и междисциплинарной аналитики мировой ситуации, изложенной авторами на более чем двух сотнях страниц, кратко звучит так: наблюдаются все признаки глубокого и опасного мирового кризиса, затронувшего все сферы человеческой жизни — политики (в частности, и демократических принципов), экономики (в частности, основ капитализма), культуры, что можно детализировать как кризис морали, ценностей, гуманизма, образовательной системы, служившей человечеству со времен Просвещения [Матвейчев, 2018]. И времени у человечества справиться с этим не слишком много.

С таким заявлением, разумеется, можно спорить, и нет недостатка в тех, кто это уже делает. Но это уместно лишь относительно деталей, в плане меры кризисности мировой системы, а не в плане констатации наличия кризиса как такового. Призыв “Come On!” — призыв авторов действовать, причем немедленно.

Что, на мой взгляд, это означает для поиска “горячих точек” в проблемном поле социологии?

В конечном счете все отмеченные в докладе составляющие мирового кризиса являются кризисами социальными в широком понимании этого слова, поскольку только в проекции на человеческую жизнь, отношения, поведение они приобретают признаки угрозы существованию человечества, что и подчеркивают авторы доклада. Все ключевые слова — “политика”, “мораль”, “культура”, “демократия”, “капитализм”, “образование”, “наука” выглядят просто словами, пока мы не переведем их на язык конкретных человеческих действий. И по этой причине указанный мировой кризис можно трактовать как кризис человеческих взаимодействий, и в этом смысле он является истоком многих острых проблем для социологических исследований.

Но вопрос — где именно в широком и разнообразном поле социологических проблем эта тема должна актуализироваться в наибольшей степени?

Как известно, 50-летняя деятельность Римского клуба с самого начала опиралась на представление о том, что мир является единой системой, и именно на таком уровне члены этой организации предлагали искать механизмы успешной реализации проекта глобализации и способы решения проблем, возникающих на этом пути.

Конечно, деятельность Римского клуба отличается принципиальная междисциплинарность, но если все же оставаться на условно дисциплинарном социологическом поле, то во многих выводах и констатациях этого института можно увидеть призыв к социологам не отказываться от макросоциологических взглядов на социальную реальность в пользу микроисследований, которые ныне являются едва ли не главным социологическим трендом.

Микроисследования — привлекательные, “теплые”, они касаются человека, повседневности, конкретики реальных практик, сознания, отдельных и таких привлекательных кейсов повседневности. Макросистемные взгляды более абстрактны и сухи, их трудно сделать наглядными, привлекательными для читателя, трудно популяризировать, трудно перевести в быстрый эмпирический результат. Но предоставляют ли одни лишь микроуровневые исследования достаточный материал не только для описания, но и для объяснения социального кризиса, поиска его истоков и путей разрешения,

для определенных прогнозов? Судя по тому, что все исследования отдельных кейсов так и не выходят за рамки этих кейсов, не следует надеяться, что таким образом можно изучать масштабные кризисные явления. И с другой стороны, тот уровень, где действуют реальные социальные акторы, нельзя ни в коем случае вывести за рамки исследовательского внимания.

Логично предположить, что компромиссный путь — это путь поиска синтетических интегративных социологических моделей, в которых системному и повседневному уделяется должное внимание. Но при наличии достаточного количества попыток построения таких моделей (Дж.Александр, М.Арчер, П.Бурдьё, Р.Будон, Э.Гидденс, Н.Элиас, Дж.Коулмен, Н.Луман, Дж.Ритцер, П.Сорокин, Э.Сикурел, Ю.Хабермас, П.Штомпка и др.), как отмечает Дж.Ритцер [Ritzer, 1990], все они тяготеют к одному из микро- или макрополосов. Рано или поздно в этих моделях начинает доминировать нотка микро- или макродетерминизма, и зависит это от того, откуда “родом” сам автор той или иной теории. Возможно, именно поэтому интерес к таким поискам в социологии в последнее время начал угасать. Но, похоже, очередная актуализация темы кризиса на всех уровнях социальной жизни придаст новый импульс поискам интегративных концептов.

Какое отношение имеет все сказанное к обозначенной ведущей теме этой статьи — социальной напряженности?

Тема кризиса, нестабильности важна не столько моментом констатации, привлечением внимания, сколько моментом поиска менеджерских решений по поводу управления кризисом. Призыв “Come On!” именно об этом.

Трудно отрицать, что там, где возникает тема социального кризиса и нестабильности, логично обращение к концепту социальной напряженности. Особую актуальность тема социальной напряженности приобретает тогда, когда мы пытаемся придать ей инструментальный оттенок, рассмотреть в контексте управления кризисом, связав его с задачей поиска рычагов для менеджмента социальной напряженности.

Какой вид приобретает социальная напряженность на микро- и макроуровне социальной реальности? Где находятся рычаги влияния на кризисные процессы? Когда ими можно управлять, а когда они становятся неуправляемыми? Эти вопросы выглядят здесь наиболее актуальными.

2. Проблема

Несмотря на достаточно большое количество работ по теме социальной напряженности (СН) и долгую историю их присутствия в социологическом дискурсивном и исследовательском пространстве, есть одна вещь, которую отмечают почти все исследователи, приступающие к этой теме — наблюдается определенная концептуальная размытость, не позволяющая даже рельефно типологизировать существующие концептуализации и дать четкое определение СН.

Для Украины, с момента обретения независимости, эта тема оказалась особенно актуальной, поскольку все это время страна проходила через волны роста — падения напряженности, протесты, революции. И путь этот еще не близок к завершению.

В ряду имен известных украинских социологов, которые затрагивали в свое время эту тему, как правило, упоминают В.Небоженко, Е.Головаху,

Н.Панину Е.Суименко, А.Стегния, М.Мищенко, Н.Слюсаревского и др. Весьма подробный анализ того, как эта тема разворачивалась в отечественной литературе, представлен в недавних статьях А.Резника [Резнік, 2017], Е.Злобиной [Злобина, 2017а], Э.Серого [Серый, 2016]. Раньше подобные конструктивные обзорные рассуждения мы находили в трудах Н.Слюсаревского [Слюсаревський, 2002], С.Белая [Белай, 2012], Е.Чернявской [Чернявська, 2007]. Но в большинстве этих работ явно констатируется или неявно предполагается присутствие ореола неопределенности, сопровождающего эту тему — от дефиниции до тех моделей социальных изменений, где СН выступает одним из весомых факторов.

Глубокий анализ проблемных моментов, связанных с темой СН в западной литературе, представлен в масштабном исследовании Дени Буже [Bouget, 2008]. Автор отмечает важную вещь — работая с локальным проявлением СН, разные авторы и рабочее определение привязывают именно к своей локальной социальной проблеме, которую пытаются решать. Скажем, ориентация на проблему социального обеспечения уже ограничивает семантические выборы СН. Но, как справедливо продолжает исследователь, даже в пределах Европы существует различное понимание социального обеспечения (так называемая старая и новая Европа здесь имеют различные истории и традиции), что и выводит, в конечном счете, разных авторов на различные определения СН [Bouget, 2008: р. 20]. Буже также указывает на еще одну важную и очевидную для многих исследователей проблему в плане определения СН — наличие близких концептов, таких как “конфликт”, “борьба”, “война” и др., к которым сводится понимание СН в конкретных исследованиях [Bouget, 2008: р. 7].

Этот ряд констатаций проблематичности более или менее четкого понимания того, что имеют в виду, когда речь идет о социальной напряженности, можно продолжить. Например, Е.Злобина, анализируя имеющиеся на данный момент исследования СН, указывает на близость понимания ее к тому, что обозначается как “социальная аномия”, “социальное сопротивление” [Злобина, 2015, 2016].

Но в контексте этой статьи важно то, что хотя подобная подмена понятий наблюдается часто, полного отказа от понятия СН не произошло. Скорее всего, существует та область в семантическом поле СН, которая делает невозможным сведение ее понимания к конфликту, аномии, борьбе и т.п.

Кратко можно констатировать, что неопределенность, связанная с темой СН, выливается в:

- размытость или избегание более или менее четкого определения того, что следует понимать под социальной напряженностью;
- наличие целого ряда понятий-спутников, часто отождествляемых с понятием СН, что лишает его самостоятельности (таких, как конфликт, протест, борьба, сопротивление, аномия, стресс и т.п.). Хотя практика постоянного возврата к понятию СН указывает на интуитивное понимание существования такой его смысловой нагрузки, которая не сводится к другим понятиям; наоборот — они являются частным случаем СН;
- неопределенность в понимании того, как связаны между собой проявления СН на макро-, мезо- и микроуровне социальной реальности и как это можно объединить в одной концептуальной схеме;

— размытость существующих концептуальных утверждений о СН в плане их дисциплинарной принадлежности, попытки разделить психологический, социологический и социально-психологический подход и встречные попытки их объединения без четкого указания на то, когда именно каждый из них является адекватной теоретической основой для рассмотрения проблемы.

На этом фоне потребность в поиске путей к определенной универсализации определения СН выглядит вполне оправданной. К интегральному определению СН должны предъявляться, на наш взгляд, следующие требования:

1. Оно должно охватывать все смысловое поле имеющихся определений СН — без отрицания всех локальных смыслов. Последние должны вписываться в это определение как частный случай, отвечающий определенным, четко очерченным конкретным условиям проявления СН. Обычное понимание СН как конфликта, войны, аномии, сопротивления, протеста, стресса тоже должно получить здесь свое, логически обусловленное место. Более того, подобное интегральное определение должно выявить другие, непроявленные смыслы, скрывающиеся за феноменом СН и ранее не попадавшие в поле зрения его исследователей.

2. Такое определение должно открывать возможность для динамичной концепции СН, которая бы сочетала проявления СН: 1) *на микроуровне* — индивида, его переживания и чувства в ситуации СН, *психологическое понимание*, напряженность в психологическом или даже психосоматическом состоянии человека; 2) *на мезоуровне* — взаимодействие между индивидом и другими социальными субъектами — другими индивидами, организациями, малыми группами и даже не-человеческими объектами (вещами), *социально-психологический* и *социально-практический срез*; 3) *на макроуровне* — взаимодействие между довольно большими социальными группами, организациями, связь с социальным порядком и социальными изменениями как таковыми — собственно *социологический срез*.

4. Таким образом концептуализированная СН должна логично вписываться в интегративную модель социальных изменений, открывая возможность для понимания истоков СН и рычагов ее снятия в процессе принятия менеджерских решений, места макро- и микродетерминизма в процессах усиления или уменьшения СН.

Поиск такой концептуализации и будет главной темой данной статьи.

Разумеется, за рамками нашего внимания остается множество моментов, которые пересекаются, соприкасаются и ассоциируются с подобной постановкой проблемы. Более или менее детально здесь следует сосредоточиться на трех аспектах проблемы:

- *поиск тех методологических оснований, которые позволяли бы выстроить искомую концептуализацию СН в рамках соответствующего теоретического видения общественной динамики;*
- *развернутое предложение самой концептуальной схемы-модели;*
- *основные контуры прагматических менеджерских выводов, вытекающих из этой концепции.*

3. Методологическая база — *complexity theory*, практическая парадигма, сетевая теория

Адекватной методологической базой для попыток построения такого универсализированного, интегративного определения СН мне представляется парадигма сложности в сочетании с практической парадигмой и сетевой теорией.

Парадигму сложности (*complexity theory*) на данный момент можно считать одной из наиболее перспективных парадигмальных площадок для продуцирования новых социологических теоретических концепций. На этом парадигмальном поле ныне концентрируются все методологические наработки, осуществленные примерно с середины прошлого века в рамках других методологических направлений метаметодологического (общенаучного) звучания, таких как теория катастроф, нелинейная теория, синергетика, теория самоорганизации, теория хаоса.

Представить весь комплекс методологических предложений, присутствующий в парадигме сложности, — задача довольно сложная, учитывая его масштабность и в определенной мере революционность в плане того, что методологические ходы использовались для изучения простых объектов, с которыми, собственно, и имела дело наука до настоящего времени, хотя и не называя их так явно. В небольшом исследовании Дж.Клевеленда [Cleveland, 1994] этот комплекс идей изложен сжато и последовательно. Там же имеется ссылка на ведущих на то время авторов и их основные труды, наполняющие это концептуальное пространство¹. Хотя с тех пор прошло много лет, их исследования и сейчас можно считать фундаментом этого масштабного парадигмального проекта.

Если кратко, то в самом общем случае под парадигмой сложности (*complexity theory*) имеют в виду наддисциплинарную метатеоретическую установку, которая предлагает особую когнитивную рамку в исследовании сложных систем любой природы, включая социальные. При этом под сложностью подразумевается принципиальная невозможность свести понимание функционирования такой системы к сумме эффектов, возникающих в ее частях. Сложность — это неаддитивность, несовместимость. Целое больше суммы частей — старая истина, получающая здесь методологический инструмент для своего теоретического и эмпирического подтверждения.

Наиболее известными у нас зарубежными (социологическими и методологическими) трудами в этой парадигме являются работы В.Аршинова, В.Буданова, И.Валлерстайна, С.Курдюмова, О.Князевой, Э.Ласло, К.Майнцера, Э.Морена, М.Моисеева, И.Пригожина, В.Степина, Г.Свирского, А.Са-

¹ Речь идет о работах непосредственно по теме сложности: *Mitchell Waldrop*, *Complexity*; *Roger Lewin*, *Complexity — Life at the Edge of Chaos*; *Ilya Prigogine*, *Order Out of Chaos*; *William Roetxheim*, *Enter the Complexity Lab*; *John Casti*, *Complexification*; *Murray Gell-Mann*, *The Quark and the Jaguar*; *Lawrence Slobodkin*, *Simplicity and Complexity in Games of the Intellect*; *Stuart Kauffman*, *The Origins of Order*; *Ellen Thro*, *Artificial Life Explorer's Kit*; *Kevin Kelly*, *Out of Control*; а также о ряде работ по теории систем: *Ludvig von Bertalanffy*, *General System Theory*; *Ervin Laszlo*, *The Systems View of the World*; *Erich Jantsch*, *The Self-Organizing Universe*; *Peter Senge*, *The Fifth Discipline*; *Arthur Young*, *The Reflexive Universe*.

марского, Р.Тома, Ф.Фукуямы, Г.Хакена, Ф.Хайека и др. В отечественной философии и гуманитаристике известными и признанными авторами являются: И.Добронравова, Л.Богатая, Л.Горбунова, И.Донникова, И.Ершова-Бабенко, Н.Кочубей, М.Нестерова, И.Претборская, А.Свидзинский и др. С интересными и развернутыми социологическими теоретическими предложениями здесь в свое время выступали М.Кузьмин, В.Хмелько, Л.Финкель, И.Черненко. Свой вклад в продвижение идей парадигмы сложности в методологическое пространство отечественной социологии в свое время внесли О.Куценко и В.Бакиров. Количество трудов в этом методологическом русле неуклонно возрастает, хотя сам процесс адаптации этих идей к социологической проблематике непростой.

Главное, для чего эта парадигма предоставляет действенный методологический каркас — это построение синтетических, комплексно-интегративных концепций, ориентированных на системные изменения с учетом не только гомеостатических, но и кризисных системных состояний. Более того, именно моделирование кризисных переходов лучше всего демонстрирует методологическую силу данной парадигмы.

Самым главным для нас в контексте затронутой проблемы СН является то, что эта методология и ее понятийный аппарат позволяют сочетать такие моменты в социальных процессах, как системность и повседневность, микро- и макроуровень социальной реальности, субъективное и объективное, индивидуальное и коллективное, стабильное и кризисное, эволюционное и революционное. При этом взгляды ученых, ранее работавших в этих отдельных направлениях, как правило, органично сочетаются.

В свое время мной была предпринята попытка построить на этом методологическом каркасе нелинейную модель социальных изменений, где я пыталась все указанные моменты интегративно объединить [Бевзенко, 2002]. С момента написания той работы прошло много времени, сейчас стали очевидными те концептуальные пробелы, которые там имеют место. Но это претензии не к самой парадигме, а к путям ее адаптации к социальной проблематике. Использование силы парадигмы сложности для решения проблемы СН в этой статье можно считать попыткой дополнить все те рассуждения еще одним сюжетом.

Дополнительным парадигмальным подспорьем здесь для нас будут парадигма практик и сетевая теория.

На данный момент востребованность парадигмы практик в социологическом методологическом арсенале трудно отрицать и в особом предоставлении она не нуждается, это основательно сделано в работе [Волков, Хархордин, 2008]. В моей статье парадигма сложности будет сочетаться с практической теорией, изложенной в трудах П.Бурдьё [Бурдьё, 1998; 2001; 2005].

Сетевая теория тоже только еще начинает проявлять свои методологические возможности. Например, Р.Хойслеинг считает, что ее можно рассматривать как метатеоретическую платформу, работающую в различных дисциплинарных полях [Хойслеинг, 2003]. Развернутый обзор всех наработок в этом направлении представлен у М.Ньюмена [Newman, 2003]. Воспользуемся им в интерпретации Б.Латура [Латур, 2006; 2007; 2014]. Предложенное им включение вещей в сетевые взаимодействия здесь для нас будет важным.

Совмещение парадигмы сложности с парадигмой практик и сетевой теорией в нашем случае органично, поскольку позволяет проработать как

макроуровень социальной реальности, так и мезо- и микроуровневые проявления социальной напряженности.

Таким образом, в качестве парадигмальной платформы для поиска интегрального определения социальной напряженности будет выбрано сочетание парадигмы сложности (complexity theory), практической парадигмы (П.Бурдые) и сетевой теории (Б.Латур).

4. Главный понятийный каркас, концепт “социальной ткани”

Тот совокупный понятийный ряд, который мы в дальнейшем будем использовать, происходит из указанных выше парадигмальных полей.

Начнем с парадигмы сложности.

Сложность системы неразрывно связана с ее нелинейностью. Соответственно — сложность социальных систем — с социальной нелинейностью. Основу понятийной сетки нелинейного подхода как общенаучной когнитивной рамки составляют такие понятия, как: *самоорганизация, бифуркация, энтропия, аттрактивность, случайная флуктуация*. Разные социологические концептуализации в рамках парадигмы сложности могут продуцироваться на основе адаптации этого когнитивного каркаса к специфике социологического материала. Это придает социологическое звучание смысловому ядру парадигмы сложности, перемещая его таким образом в социологическое теоретическое пространство.

Концептуализация в этой парадигме *социальной напряженности* как постоянно присутствующей в социальной системе важной характеристики может быть успешной благодаря обращению к понятию *социальной энтропии*. В своих предыдущих работах я аргументировала целесообразность и логичность такого шага [Бевзенко, 2017с].

Возвращаясь к результату такого понятийного отождествления (СН = социальная энтропия), можно сказать, что это дает нам ряд определений СН, одинаковых по смыслу, но несколько отличных в формулировках, акцентируя тем самым разные смысловые аспекты понимания явления СН. *Социальная напряженность = социальная энтропия* — это:

- 1) мера социального хаоса;
- 2) мера непредсказуемости поведения социальных субъектов (индивид, группы, институциональные структуры);
- 3) мера несогласованности действий социальных субъектов;
- 4) мера разорванности, неплотности социальной ткани (сетевых взаимодействий).

Для каждого из этих вариантов смыслового наполнения СЭ = СН может быть предложена отдельная ветвь более подробных рассуждений. По-видимому, мы в каждом случае выйдем на уже имеющиеся концептуальные сюжетные линии, но переобозначение их на языке СН = СЭ может придать каждой из них новый импульс. Так, когда мы говорим о напряженности как мере хаоса, мы сразу выходим на тему СН и *социального порядка*, поскольку последний является другой стороной хаоса. Напряженность как мера непредсказуемости коррелирует с темой СН и *проектов будущего* — как в личном измерении, так и в системном. А напряженность как мера несогласованности, помимо той же непредсказуемости, выводит нас на связь СН с системой *социальных ожиданий*. Последние влияют на устойчивость кол-

лективных социальных форм, прочность социальных эмерджентных образований. Но главный вывод здесь таков: понимание СН как СЭ позволит объединить все названные варианты видения СН в одном концептуальном узле, обозначив их как соответствующие радиальные ответвления. Но среди них нам нужно выбрать то, что лучше всего отвечает задаче поиска интегративного определения СН и его связи с общесистемной динамикой.

Кажется, что в пользу нашей проблемы лучше всего работает понимание СН как меры плотности *социальной ткани*. В нем уже по определению заложена связь между всеми уровнями социальной реальности — индивид, связь между индивидами, все социальное пространство. Все это — составные части социальной ткани. О социальном пространстве в таком случае можно говорить как в глобальном, так и в локальном измерении. При этом динамический аспект СН, ее увеличение-уменьшение тоже легко концептуализируется как процесс изменения плотности социальной ткани. И вопрос факторов СН естественно переходит в вопрос — что способствует изменениям этой плотности. Все перечисленное указывает на концептуальную потенциальность предложенного определения.

Поэтому обратимся к концепту “*социальная ткань*” подробнее.

К термину “*социальная ткань*” в свое время прибегал Г.Зиммель, используя его скорее как метафору [Зиммель, 1996]. Для Зиммеля, который суть общества усматривал именно в человеческих взаимодействиях, это была очень точная метафора. К ее более точному раскрытию он не прибегал, что соответствовало общей стилистике его теоретизирования, носившего почти эссеистический характер. Позднее, аргументируя необходимость учитывать эффекты эмерджентности в социальном морфогенезисе, к этому термину обращалась М.Арчер [Арчер, 1994], но, опять-таки, попутно и метафорически. На мой взгляд, в наше время, когда уже есть понятия *сетей*, *практик*, о социальной ткани можно говорить конкретнее.

В этом моменте моих теоретических рассуждений в действие вступают **парадигма практик и сетевая теория**.

Понятийное раскрытие практической парадигмы сжато и понятно выражено в самом названии соответствующего труда П.Бурдьё “Структуры, габитус, практики” [Бурдьё, 1998]. По сути, *структуры* здесь — это не формальные жесткие структуры, а то, что как раз и можно назвать сетевыми мягкими социальными структурированностями, которые спонтанно (самоорганизационно) возникают и существуют в процессе своего повседневного возобновления через соответствующие практики. Именно в рамках этих мягких и подвижных структурированностей формируется габитуальная ориентированность каждого человека на определенные практики, в том числе практики сетевых взаимодействий. Причем о практиках взаимодействий мы будем говорить в широком понимании — имея в виду все те сети, в которые вовлечены как люди, так и вещи, с которыми люди взаимодействуют. (Теоретическим основанием для таких взглядов нам послужит сетевая теория Б.Латура [Латур, 2006; 2014].)

Понятие габитуса важно для понимания того, что мы имеем в виду, говоря о социальной ткани. *Габитус* — это один из самых важных внутренних инструментов нашего обращения с окружающим миром, инкорпорированный в нашу психику и нашу телесность. Это наши достаточно устойчивые настройки на отношения с людьми и вещами, которые окружают нас в по-

вседневной жизни. Благодаря такой настройке мы ежедневно и непрерывно возобновляем-поддерживаем входящую в наш жизненный мир часть общей социальной ткани, часто за рамками своего сознательного контроля, без рефлексивного сопровождения. И именно благодаря этим незаметным усилиям каждого образуется то, что здесь обозначено как *социальная ткань*, плотность которой мы будем связывать с социальной напряженностью.

Определив **социальную ткань** как образующуюся благодаря всей совокупности существующих в обществе практик сетевых взаимодействий (включая векторы “люди — вещи”), мы получаем достаточно мощный по своему теоретическому потенциалу концепт.

Подводя итог этой части, можно сказать: заимствованный из разных парадигмальных полей понятийно-концептуальный комплекс, который позволил сформулировать рабочее определение *СН как меры плотности социальной ткани*, выглядит так:

Парадигма сложности	Системная (социальная) энтропия
Практическая парадигма П.Бурдьё	Структуры (мягкие самоорганизационные социальные структурированности), габитус, практики
Сетевая теория Б.Латура	Практики сетевых взаимодействий (люди, вещи)
Г.Зиммель, М.Арчер	Социальная ткань

Опираясь на базовые положения парадигмы сложности и предложенное понимание СН как системной энтропии, используя возможности, которые открывает совмещение парадигмы сложности (*complexity theory*) с практической парадигмой и сетевой теорией Б.Латура (практики сетевых взаимодействий), дополнив это концептом социальной ткани, можно предложить рабочее определение СН.

Социальная напряженность — это мера нарушения плотности социальной ткани. Она является динамичной изменчивой характеристикой состояния общества, позволяющей определять качество общественных состояний через большую или меньшую социальную напряженность, а значит — через различную плотность практик сетевых взаимодействий, образующих основу социальной ткани.

5. Основная концептуальная схема-модель зависимости состояния общества от уровня СН

В этом пункте мы будем далее использовать возможности парадигмы сложности, но уже с целью построения модели связи состояний общества с уровнем наблюдающейся в нем социальной напряженности. Отождествление в приведенном выше определении социальной напряженности с социальной (системной) энтропией позволяет сделать этот шаг.

В свое время мной была предложена трехфазная модель социальных изменений и очерчено место СН в ходе этих изменений [Бевзенко, 2017а]. Уровень социальной напряженности здесь оказывается главной динамической переменной, играющей решающую роль в изменении системного порядка.

В таблице 1 приведен модифицированный и значительно доработанный вариант этой модели.

Зависимость состояния общества от уровня СН

1	Фазы общественных состояний в зависимости от ориентировочного уровня социальной напряженности по шкале: <i>0% – минимальная, 100% – максимальная</i>	0–20%, Фаза 1 Социальное состояние 1 (СС1). Уравновешенность, стабильность	20%–35% Фаза 2 Социальное состояние 2 (СС2). Оптимальная неуравновешенность, коридор возможностей прогресса и эволюционного развития	35–40% и более Фаза 3 Социальное состояние 3 (СС3). Критическая неуравновешенность, системная бифуркация, революционные предпосылки
2	Мезоуровень общества Мера устойчивости сетевых практик взаимодействия, мера плотности социальной ткани	Однообразие, повторяемость ПСВ, низкая вариативность. Высокая плотность социальной ткани Единичные разрывы ПСВ	Оптимальная вариативность ПСВ, умеренное количество разрывов. Оптимальная подвижность социальной ткани, являющейся ресурсом адаптивности и постепенной регенерации затронутых практик	Большое количество разорванных ПСВ, критический разрыв социальной ткани, недостаточность ресурса адаптивности и регенерации социальной ткани
3	Микроуровень общества Стабильность или кризисность габитуальной, переживания, эмоции	Небольшая вариативность габитуальных настроек на ПСВ. Единичные случаи габитуального кризиса, стресса, фрустрации	Оптимальный диапазон вариативности габитуальных настроек на ПСВ. Умеренное количество случаев габитуального кризиса, фрустрированности	Значительное (критическое) количество случаев габитуального кризиса. Большое количество тех, кто находится в состоянии социального стресса и фрустрации
4	Настренность на действие – социальное поведение, способ преодоления габитуального кризиса	Биографическое преодоление. Потребность в психологической поддержке	Коллективное преодоление. Локальные солидарности и протесты, удержание в рамках конструктивных конфликтов	Коллективное преодоление. Масштабные солидарности, деструктивные протесты и конфликты, революция
5	Макроуровень общества Мера социальной стабильности. Мера адаптивности к эндогенным и экзогенным факторам изменения социального порядка	СС1 Стабильность социального порядка. Традиционные общества. Авторитаризм, тоталитаризм. Угроза порядку – низкая адаптивность к экзогенным разрывам социальной ткани	СС2 Конструктивно-адаптивная нестабильность. Высокая адаптивность к экзогенным разрывам социальной ткани. Коридор возможной эволюции, реформ и развития. Модерное общество	СС3 Деструктивная нестабильность. Социальная дезорганизация. Отсутствие резерва адаптивности к эндогенным и экзогенным факторам изменения социального порядка. Выход на новый порядок через бифуркацию, революцию, Майдан. Непредсказуемость будущего

Окончание табл. 1

6	Направления возможных фазовых переходов между СС1, СС2 и СС3 при изменении уровня СН, зависимость от адекватности менеджмента СН	1. Медленный рост СН и переход к СС2 — при адекватном менеджменте СН. Быстрый рост СН. Переход на СС3 наиболее вероятен	1. Эндеогенные риски: неадекватный менеджмент СН, уменьшение СН из-за движения к СС1 и авторитаризму. 2. Экзогенные и эндогенные причины роста СН, движение к СС3	1. После временного уменьшения СН новый виток роста СН и переход к СС3, слабый менеджмент СН 2. Переход к СС1: слишком жесткий менеджмент, ограничение свобод. 3. Наиболее сложный переход к СС2 — только при адекватном кризисном менеджменте СН
---	---	---	--	---

Сокращения: СС — социальное состояние или состояние социума, СН — социальная напряженность, ПСВ — практики сетевых взаимодействий, СТ — социальная ткань.

Будем двигаться по этой схеме, раскрывая содержание каждого из ее строк и столбцов.

6. Качество состояний социума (СС) в зависимости от уровня социальной напряженности (СН) (табл. 1, строка 1)

Ключевой в данной схеме первый ряд.

На базе общих теоретических положений для сложных нелинейных систем путем применения их к социальным системным процессам здесь выделены *три качественно различных общественных состояния*. Социальная напряженность, а точнее ее уровень, оказывается тем ключевым параметром, который обуславливает пребывание общества в том или ином состоянии. Изменение этого параметра ведет к *фазовым переходам от одного СС к другому*. Важно то, что речь идет не о постепенных линейных изменениях, а именно о фазовых переходах, присущих сложным, нелинейным процессам. Они, как правило, спонтанные, быстрые, скачкообразные, с непредсказуемыми последствиями. Этот момент очень существенный как для прогнозирования общественной динамики, так и для принятия управленческих решений.

В *строке 1* приведены проценты, соответствующие условному уровню социальной напряженности каждой с этих трех кардинально различных фаз общественной динамики. Конечно, речь идет не о точных цифрах, а о приблизительных ориентирах, которые, впрочем, могут подпитывать социологическое представление о ходе этих процессов.

В общесистемных положениях, которые положены в основу данной градации, для нас основополагающим является понятие системной энтропии и ее роли в системной динамике, гармонизации и оптимизации системных процессов [Седов, 1993; Сороко, 1984; Давыдов, 1988; Давыдов, Давыдова, 1992; Кузьмин, 1994]. На общесистемном уровне, еще до того, как мы наложим эту методологическую рамку на социальную специфику и воспользуемся предложенным выше отождествлением социальной напряженности с системной энтропией, это выглядит так:

1. *Первый диапазон энтропийных значений — до 20% — соответствует устойчивому состоянию системы.* Даже очень устойчивому, способному сломаться в случае сильных внешних давлений. Это состояние затвердения, замороженности, слишком негибких связей между отдельными элементами. Каждый элемент системы почти наглухо впаян в системную ткань. Вариативность движения низкая, адаптивные механизмы не имеют ресурса, и это является платой за устойчивость и стабильность, единство. (*Приближительная метафора — лед.*)

2. *Второй диапазон 20–40%.* Состояние гибкости, подвижности, большой потенциал к адаптации, приспособление к новым формам. Оптимальное соотношение между единством и подвижностью, вариативностью и однообразием. (*Метафора — вода.*)

3. *Третий диапазон — 40% и выше.* Подвижность увеличивается, но за счет единства. Связи распадаются. Целостность теряется, системность разрушается. (*Метафора — пар.*)

Нас все эти системные закономерности будут интересовать в их социальных проявлениях.

Что в переводе на социальные процессы означают эти устойчивые, подвижные и слишком подвижные состояния? Как должен вести себя с ними тот, чья цель — регулятивные воздействия? Всегда ли эти влияния возможны?

Поставленные вопросы касаются прежде всего макросистемного уровня, общества как такового и проблемы управления на этом уровне. В нашей таблице 1 этому соответствуют две последние *строки 5 и 6*, и это не случайно. Прежде чем перейти к социосистемному макроуровню (*строка 5*) и попытаться понять механизмы изменений, которые там происходят, мы должны посмотреть на ситуацию в ее мезо- и микроизмерениях (*строки 2 и 3*). Именно здесь это “единство”, “стабильность” и “подвижность” можно увидеть и описать в социологических и социально-психологических терминах. Система понятий, выбранная для нашей концептуализации, позволит не выпускать при этом из поля зрения макроуровневые события.

7. Мезоуровень социальной напряженности — сетевые практики взаимодействий (табл. 1, строка 2)

Главным понятием, которое будет обслуживать концептуальное видение проявлений СН на мезоуровне, станет понятие *практик сетевых взаимодействий* (ПСВ). В этом случае *плотность социальной ткани*, посредством которой мы определили меру социальной напряженности, уже будет *прочитываться как плотность, устойчивость* социальных сетей, образованных благодаря этим практикам взаимодействий.

Обращение к концепту *практик сетевых взаимодействий* методологически оправданно и потенциально по ряду причин:

1) это именно тот уровень социальной реальности, который подлежит эмпирическому наблюдению;

2) концептуализация *социальной напряженности* на базе этого концепта вселяет надежду на получение по-настоящему *универсализированного* ее определения, поскольку практики сетевых взаимодействий составляют основу социальной ткани для любого общества.

ПСВ существуют повсюду — независимо от культурного, политического, экономического и т.п. строя. К тому же именно в этих практиках все это интегрируется. Человек становится агентом всех социальных структур, образовавшихся в конкретном обществе на базе совмещения политики, культуры, религии, социального строя и т.п. От общества к обществу, от региона к региону изменяется конкретная картина этих практик, но неизменной остается сущность — это повторяющиеся, повседневные действия, благодаря которым члены общества непрерывно поддерживают целостность общественной ткани, общественного порядка. Нарушение в ходе этих практик служит основанием для разрывов социальной ткани в любом обществе, а значит — появления социальной напряженности в том понимании, которое здесь предложено.

Сказанное касается *всех возможных практик общественной жизнедеятельности* — практик работы, здоровья, культуры, обучения, вероисповедания, потребления, ведения хозяйства, передвижения, обмена, отдыха, заботы, безопасности, защиты, участия в политической жизни и т.п. Все они реализуются через определенную систему сетевых взаимодействий. Скажем, конкретные практики здоровья и соответствующие сетевые практики взаимодействий для каждого гражданина особенные; они задаются теми конкретными лечебными учреждениями и поликлиниками, конкретными врачами в этих учреждениях, номерами телефонов регистратуры, номерами телефонов знакомых врачей и медицинских сестер, аптеками, машинами скорой помощи, соседскими советами, сайтами в интернете, семейными привычками, знахарями, “бабками”, медицинскими справочниками и т.п. Все это исторически складывается, аккумулируя в себе историю страны проживания, семейную и индивидуальную историю. Но привычность устоявшегося практического круга присуща всем. Важно подчеркнуть, что о практиках взаимодействий мы здесь говорим, привлекая ракурс, предложенный Б.Латуром — учитываются не только взаимодействия между людьми, но и те взаимодействия, где присутствуют как люди, так и вещи (“не-люди”, как говорит Б.Латур) [Латур, 2006]. Поэтому в перечне появляются и машины, и лекарства, и здания поликлиник и больниц. Все это входит в обычный контур сетевых практик.

В этом случае *проценты в первой строке таблицы 1* становятся более наглядными — это мера неплотности социальной ткани, определенной при помощи практик сетевых взаимодействий, мера их подвижности, прочности или разорванности и поврежденности. Это мера отклонения от того условного нуля, гипотетического состояния, когда эти практики были бы абсолютно однозначными и обеспечивали бы обществу полную стабильность ($СН = 0\%$). (Вновь повторю — цифры здесь условные, реальное измерение таким образом определенной СН является открытой методической проблемой, речь идет не о четком математическом моделировании, а об определенных качественных оценках, на которые эти условные цифры могут хорошо работать.)

Итак, можно констатировать — на *мезоуровне социальной реальности* социальная напряженность выглядит как появление разрывов в практиках сетевых взаимодействий, возникающих в разных социальных полях. Разрушение привычного, устоявшегося в этих практических картинах приводит к *уменьшению плотности социальной ткани*.

Как выглядит эта мезоуровневая ситуация для каждого из выделенных социальных состояний (СС1, СС2, СС3)?

СС1. Состояние высокой стабильности и равновесия. Сети взаимодействий, образуемые благодаря соответствующим практикам, устойчивы и однообразны. Их вариативность низка, сбоев, разрывов в устоявшихся практиках почти не наблюдается. В приведенном выше примере практик здоровья это означает — аптеки, врачи, варианты действий в схожих ситуациях подобны и однообразны. И такая ситуация наблюдается почти во всех социальных полях. Разрывы в этих устойчивостях единичны и существенно не влияют на общий системный порядок. Именно так на уровне сетевых практик выглядит высокая плотность социальной ткани.

СС2. Состояние умеренной нестабильности и напряженности. Как отмечено в *строке 1*, эта напряженность является конструктивной и открывает возможности для эволюционного продвижения общества. На уровне практик взаимодействий это выглядит как значительно большая подвижность, большая вариативность. В этом же примере с практиками здоровья это означает наличие нескольких вариантов действий в схожих ситуациях, нескольких врачей, нескольких аптек и т.п. Это создает определенное субъективное напряжение, всегда присутствующее в ситуации неопределенности, но и дает определенный запас прочности в обеспечении соответствующих потребностей. Нарушение одних сетей компенсируется наличием дополнительных вариантов. Хотя, конечно, каждый из этих вариантов не будет столь надежным и проработанным, как в варианте СС1. Неплотность социальной ткани проявляется здесь именно так — ПСВ в рамках каждого поля вариативны. И хотя каждый вариант имеет меньшую надежность, чем в случае СС1, он достаточен для удовлетворения соответствующих потребностей.

СС3. Критическое состояние, точка бифуркации. Критическая неплотность социальной ткани, когда она находится на грани разрыва на отдельные “кусочки”. В терминах теории сложности это обозначается как точка бифуркации — высокой социальной неуравновешенности, которая потенциальна взрывом и непредсказуемостью дальнейшего хода событий. Критические разрывы социальной ткани на мезоуровне выглядят как критические нарушения в ПСВ. Обычные цепочки связей, которых может быть несколько, не срабатывают должным образом и не ведут к ожидаемому результату. На примере практик здоровья это означает — не срабатывает нормально ни один из прежде эффективных вариантов решения проблемы со здоровьем — аптека не работает или там нет лекарств, врачи не работают или работают на иных условиях и т.п. Нарушенная таким образом социальная ткань уже не подлежит регенерации. Обычный жизненный мир разрушен, причем для большого количества членов социума.

Так динамика СН выглядит на мезоуровне. Но на этом уровне еще не видно, как определенная таким образом СН перерастает в социальное поведение и, возможно, в социальные взрывы и протесты. Где же именно возникает тот натянутый нерв напряжения, который выливается в соответствующие поведенческие проявления?

8. Микроуровень социальной напряженности — габитуальный кризис, переживания, чувства, эмоции (табл. 1, строка 3)

8.1. Социальная напряженность как расстояние между ситуациями

В этом пункте нашей задачей будет увидеть проявления СН на микроуровне социальной реальности, оставаясь в рамках выбранного ее определения на макроуровне через меру неплотности социальной ткани, а на мезоуровне — через меру нарушения устойчивых практик сетевых взаимодействий.

В каких понятиях можно описать разрывы социальной ткани и нарушения ПСВ, переводя фокус внимания на уровень индивида и его реакции на все указанные социальные явления?

Интересный момент касательно проблемности определения СН в этой связи подметил уже упоминавшийся Дени Буже, что указывает на важный в методологическом плане парадокс — полную определенность понятия напряженности в других дисциплинах, где оно четко очерчено и хорошо измеряется. Это касается физики, механики, биологии. В каждом случае напряженность содержит представление о силе и движении. И основу этого движения составляет *разница между несколькими элементами или ситуациями* — от микро- до макроуровня. В социологической плоскости, по мнению данного автора, это может трактоваться как расстояние между двумя социальными объектами — индивидами и группами со всеми социально весомыми характеристиками, которые им присущи. Причем важно, что это расстояние измеряется не столько объективными показателями, сколько субъективными оценками этих показателей. Интенция к преодолению этого расстояния и составляет суть той силы и потенции движения, что содержится в понятии напряженности [Bouget, 2008: p. 7].

8.2. Расстояние между ситуациями: термины описания

О каком расстоянии и между чем мы здесь должны говорить в рамках нашей концепции?

Думаю, это расстояние между теми двумя субъективно важными социальными ситуациями, в которых находится конкретный индивид. На мезоуровне это были ситуации до наступления разрывов в ПСВ и после такового.

Как это выглядит в *субъективной перспективе*? Суть ситуации можно описывать в *терминах потребностей*, но в данном случае мы несколько усложним этот подход. Все потребности для каждого отдельного индивида конкретизированы тем “облаком” практик сетевых связей, посредством которых они удовлетворяются. Для понимания механизма появления СН нельзя рассматривать потребности отдельно от этого практического комплекса. В терминах расстояния между двумя ситуациями мы должны говорить о расстоянии между ситуациями, где некая потребность удовлетворяется одним комплексом ПСВ, условно “вчерашним”, и возникшим “сегодня”. Вчерашний был привычным, это были как раз рутинизированные практики, которые не требовали значительного времени и энергии на ежедневную настройку. Сегодняшний — это нарушение привычного, оборванные нити связей и практик.

Нерв напряжения возникает именно здесь и *СН на микроуровне* — это индивидуальная сила и интенция, направленная на ликвидацию таких раз-

рывов не только в плоскости собственно потребностей, но и в плоскости привычных практик их удовлетворения.

Но здесь есть важный момент, который обязательно следует отметить. При переходе от мезоуровня СН к микроуровню мы, по сути, переходим от *объективной картины ситуации*, тех образовавшихся объективных разрывов в ПСВ, к ее субъективному восприятию.

Таким образом, к определению СН на макроуровне (как меры неплотности социальной ткани) на мезоуровне (как меры нарушенности ПСВ) добавляется еще одна существенная составляющая, возникающая на микроуровне социальной реальности — субъективное обозначение ситуации разрывов и соответствующая интенция к ее ликвидации.

Слово “обозначение” здесь не точное. О чем действительно следует в данном случае говорить, станет понятно, когда мы перейдем к более детальному рассмотрению микроуровня СН.

8.3. Габитус, габитуальный кризис, стресс, фрустрация

Где именно, уже в индивидуальном пространстве происходят изменения, соответствующие разрывам ПСВ на мезоуровне?

В данном случае в фокусе внимания должно оказаться *понятие габитуса*, активизировав методологическое присутствие *парадигмы практик*. Понятие габитуса здесь весьма востребованно, поскольку это тот комплекс настроек на действия, который вписан в коды нашей психики, телесности, сознания и бессознательного, который является предпосылкой и продуцентом всех привычных практик, в том числе практик сетевых взаимодействий (ПСВ). Разорванность практик, их внезапная неэффективность, кризис повседневности проецируется на этот габитуальный комплекс и, в свою очередь, выявляет уже его неэффективность. Здесь недостаточно говорить о кризисе сознания в узком смысле (как осознанности), а нужно говорить скорее о *габитуальном кризисе* как кризисе дееспособности всего психосоматического комплекса, который ранее обеспечивал определенный сектор жизнедеятельности человека, порождал определенный стиль жизни [Бевзенко, 2008].

Здесь может встать вопрос — не следует ли использовать в данном случае понятие *стресса*, которое выбирают некоторые авторы для определения социально-психологической стороны социальной напряженности [De la Sablonniere, 2017]. Если бы мы сводили проявления СН на микроуровне только к психологическим состояниям, то, вероятно, понятие стресса здесь было бы наиболее адекватным. Но мы пошли по пути понятийной цепочки, идущей от отождествлений СН = социальная ткань = ПСВ. И тогда для перехода от СН на микроуровне нам логично выбирать именно понятие *габитуса*, непосредственно связанное с понятием практик.

Помимо всего прочего, понятие *габитуального кризиса* выглядит более общим в сравнении с понятием стресса, поскольку вписано в общую габитуальную динамику и касается всего психосоматического комплекса человека. Индивидуальный габитус — это конденсированная индивидуальная история человека, чья биография разворачивалась в определенных социальных и культурных пространствах. Это единство системного и индивидуального, весьма показательно воплощающееся в стилях жизни, которые можно рассматривать как внешнее проявление индивидуальной габитуальной конфигурации [Бурдье, 2005].

8.4. Габитуальный кризис — уровни присутствия в психосоматическом пространстве

Габитус по определению — это психосоматическое явление, определенная структура в теле и в психике человека, настроенная на определенную ситуацию и лежащая в основе практических действий в этой ситуации. Детально ее можно расписать посредством следующих составляющих:

- психосоматические *переживания* ситуации, глубинная недифференцированная и при этом концентрированная проекция ситуации на человеческую психосоматику;
- палитра *эмоций и чувств*, соответствующих ситуации;
- *когнитивная модель ситуации*, часть габитуса, присутствующая в сознании человека;
- *психосоматическая интенция к действиям*, составная часть габитуса, отвечающая за его динамику и непосредственно связанная с поведением и практиками.

Итак, габитуальный кризис как проявление СН на микроуровне — это кризис, затрагивающий все эти составляющие. Напряженность между двумя ситуациями, о которых речь шла выше, — это габитуальная напряженность в поиске новой габитуальной конфигурации, нового равновесия между габитусом и сложившейся ситуацией.

Таким образом, чтобы мы могли перейти от проявлений СН на мезоуровне к ее микроуровневому присутствию и увидеть, как это выливается в конкретное социальное поведение реальных членов общества, мы должны двигаться по логической цепочке: *разрывы в практиках сетевых взаимодействий (мезоуровень) — габитуальный кризис — соответствующий комплекс психосоматических переживаний — соответствующая эмоциональная палитра — когнитивная модель ситуации — интенция к действиям в направлении снятия габитуального кризиса — соответствующие поведенческие проявления.*

Сосредоточимся на каждом из этих уровней подробнее.

8.4.1. Уровень переживаний

Уровень переживаний здесь наиболее глубинный, первичный, еще не дифференцированный в чувства и эмоции, которые можно обозначить словами. Но, следует подчеркнуть, появление определенных переживаний — это уже будет первый уровень социально окрашенной субъективной реакции на ситуацию, которая объективно существует и порождает габитуальный кризис. И именно от этого уровня и можно вести отсчет появления и индивидуального движения к ее ликвидации. С этого уровня, а не уровня сознательной фиксации ситуации, нужно начинать рассматривать микроуровень социальной напряженности, если мы хотим зафиксировать ее на начальном этапе. Это особенно важно в случае, если наши знания будут использоваться для менеджмента социальной напряженности.

В чем суть этих переживаний?

Исходя из определения СН на макроуровне как меры разрывов в социальной ткани, мы можем сказать — на плоскость переживаний отдельного члена общества это проецируется в виде переживания *разорванности своих*

связей с социальным целым, своей исключенности из определенного спектра общественных отношений, частичной, а то и полной маргинализации.

Таким образом, еще раз подчеркнем, определение СН как результата депривации тех или иных потребностей является недостаточным. Просто психологическое переживание неудовлетворенности какой-либо потребности нужно отличать от переживания разрыва с тем сегментом социума, который способствовал удовлетворению этих потребностей. Скажем, потребность в еде можно удовлетворить и уменьшив потребление, упростив его, покупая продукты на акциях и распродажах, наконец — многие люди выбрасывают, и мы видим, как нищие среди этого ищут еду и находят. Но здесь важно, что все жизненные потребности удовлетворяются опосредованно через те или иные практики взаимодействий и стили жизни. А эти практики определяют то место в обществе, которое человек занимает, его статус, очерчивают его как узловую точку в том месте социальной ткани, где он находится.

8.4.2. *От переживаний к эмоциям*

СН на уровне глубинных переживаний — это недифференцированный первый ответ микропространства на соответствующие макро- и мезособытия. Затем это глубинное переживание человеком разрыва социальной ткани вокруг себя, своей социальной исключительности — частичной, значительной или полной — поднимается вверх по ступеням психологических состояний и превращается в эмоции.

И здесь логично выделить две палитры соответствующих эмоциональных состояний.

Первая палитра — те чувства и эмоции, которые соответствуют этому ощущению разрыва — раздражение, злость, страх, отчаяние, негодование, недоверие, безнадежность, незащищенность, ненужность, фрустрация, стресс. Этот ряд можно продолжить другими оттенками чувств, которые соответствуют недифференцированному переживанию пребывания в точке социального разрыва. Это и будет главной точкой концентрации энергии СН, эмоциональной фиксации того расстояния, разницы между двумя социальными ситуациями, которые и генерируют напряжение.

Другая палитра эмоций указывает на вектор движения к исправлению ситуации. Человек действует в том направлении, где к нему вернутся надежда, спокойствие, уверенность, ощущение защищенности, востребованности, доверие, ощущение вписанности в социальное окружение или в общество как таковое. И, опять-таки, эту палитру можно расширить. Главное же — эмоциональное обозначение направления движения, интенции к поиску такого состояния, где новые практики дадут новое ощущение прочности сетевых взаимодействий.

Сказанное об эмоциональной составляющей габитуса в значительной мере касается тех исследований, которые ведутся в направлении *социологии эмоций*, влияния эмоциональных состояний на протестную активность, в частности в нашей отечественной социологии [Злобина, 2016, 2017b; Резнік, 2018]. Относительно этих разработок приведенные выше рассуждения выглядят довольно схематично и имеют лишь то преимущество, что являются попыткой вписать это в общую модель, которая не вырывает микроуровень из интегральной концепции социальной напряженности. Эмоциональная

составляющая в данном случае оказывается наиболее выраженным аспектом микроуровневого проявления СН.

8.4.3. Когнитивный уровень

В этом пункте следует сказать несколько слов о том, что мы выше назвали *когнитивной моделью ситуации*, обозначив таким образом ту часть габитуальной настроенности на практики, которая присутствует в сознании человека.

Разумеется, существуют разные определения когнитивного, и если под этим понимать знание в широком смысле слова, тогда в определенной мере правомерно говорить и о соматическом, и об эмоциональном знании. И в этом направлении движется когнитивистика — быстро развивающаяся новая сфера научного знания [Нестерова, 2015]. Но здесь мы этим термином обозначим именно ту часть определения человеком ситуации, которая является осознанной и может быть вербализована. Что такая составляющая в отношении “человек — ситуация” существует, отрицать сложно; она на поверхности, и ее гораздо легче отслеживать, в том числе и социологическими методами. Но вопросом остается статус этой части знания (в широком смысле) о ситуации в процессе формирования поведенческих актов, особенно в ситуации габитуального кризиса, которую мы рассматриваем.

Если бы мы стояли на позициях теории рационального выбора, то именно этой осознанной составляющей должны были бы безусловно придавать преобладающее значение. Во многих исследованиях последних лет прошлого века именно так и происходило, ибо теория рационального выбора тогда заняла чуть ли не первое место среди теорий, пытавшихся объяснить социальное поведение. Человек социологический стал преимущественно человеком экономическим. Как пишет В.Култыгин, этой теорией был нарушен тот “консенсус, который существовал среди таких теоретиков, как Т.Парсонс, Р.Дарендорф, Г.Гарфинкель, П.Бурдьё, Э.Гидденс, в отношении невозможности свести социальную жизнь к экономической логике” [Култыгин, 2004: с. 27].

Наш теоретико-методологический выбор, как следует из всего сказанного выше, лежит скорее в плоскости указанного консенсуса. Рациональная составляющая в продуцировании габитусом наших практик представляется не столь значимой уже по самому определению дорефлексивности практических действий. Особенно это касается ситуации габитуального кризиса, о которой мы преимущественно и говорим. Тем не менее указать на наличие такого регулятивного компонента в процессе формирования наших практических действий было необходимо. В тех частных случаях, когда человек способен к глубокой рефлексии касательно своих переживаний, мыслей и эмоций, эта составляющая оказывается действенной и важной. Но способность к такой рефлексии не является статистически весомой для нашего культурного ареала; особенно это касается кризисных ситуаций, где временные ресурсы для подобных рефлексивных действий ограничены.

Побочным подтверждением правильности данного вывода является и неэффективность прогнозов протестных действий, основанных на предположении рациональности и осознанности выбора. Люди в процессе социологических опросов выражают готовность протестовать, но потом не следу-

ют этой готовности. И наоборот — отказываются от протестов на словах, а потом вдруг массово выходят на майданы.

8.5. Снятие габитуального кризиса. Индивидуальные поведенческие интенции

Говоря о переживаниях, эмоциях, чувствах, когнитивной модели ситуации, мы таким образом прописываем ту проекцию ситуации на субъективное пространство, которая будет иметь преобладающее значение при формировании соответствующего поведения. И энергия действия будет распространяться вдоль этой цепочки: переживания — эмоции — когнитивная модель ситуации — импульс к действию — поведение.

Интенции к действию будут тесно связаны с тем, кто и что переживает, и эмоционально обозначается как причина появления разрывов в практиках взаимодействий. То есть пункт “где причина?” занимает важное место в субъективной модели ситуации и решительным образом влияет на импульс к действию. Таких причин может быть много, не все они носят социальный характер или касаются данного социума. Это может быть и природа, бог, иные социумы, еще какие-то силы. Напряженность на уровне переживаний и эмоций может возникать по всем этим векторам (обида на бога, негатив в отношении к условному врагу и т.п.), но в социальную напряженность данного общества эти переживания превратятся тогда, когда причины и возможности регулирования ситуации будут связаны с социальными субъектами, принадлежащими именно к этому обществу. Эти субъекты могут быть разного масштаба — от родственников, соседей, отдельных социальных групп до властей различного уровня. И это определит интенции к соответствующим поведенческим движениям.

Существенно важно, что часто направление поведенческих толчков в ситуации габитуального кризиса задается не столько желанием восстановить прежние практики, сколько желанием вернуть себе состояние эмоционального равновесия, за которым — состояние габитуального равновесия. Пути к этому могут быть различными, но все они являются скорее *комбинацией двух известных полярных вариантов действий*.

Первый и самый распространенный — это *адаптация к ситуации*, выход из габитуального кризиса путем формирования новых габитуальных настроек уже на новые практики взаимодействий. Это наиболее “тихий” способ выхода из состояния социальной напряженности, когда разрывы социальной ткани выправляются, так сказать, эволюционным путем, постепенным “заживлением” социальной ткани и без особых социальных потрясений.

Но здесь важен тот *адаптивный ресурс*, который имеется у человека. (То есть речь идет о ресурсном комплексе, включающем время, деньги, здоровье, компетенции, социальные контакты и многое другое.) Этих ресурсов у человека может хватить на ликвидацию лишь небольших разрывов в отдельном секторе социальных практик — локальных габитуальных разрывов. В случае, если разрывы проходят по широкому полю практик жизнедеятельности, ресурсов для адаптации у подавляющего большинства людей может оказаться недостаточно, и адаптивные механизмы уже не сработают.

Иной путь вернуть себе габитуальное равновесие в рамках тезауруса парадигмы сложности мы должны назвать *бифуркационным*. Возможно, более привычным, хотя и не совсем синонимичным, здесь будет обозначение его

как *кризисного*, но смысловые нагрузки в случае использования понятия бифуркации гораздо насыщеннее и рельефнее. (Они подчеркивают вариативность, непредсказуемость, необратимость поведенческих выборов, важность случайных влияний.) Это состояние возникает тогда, когда разрывов оказывается очень много, они касаются значительного количества затронутых жизненных практик, а названных выше ресурсов для адаптации оказывается слишком мало. В этом случае интенция к новому внутреннему равновесию, к ощущению возвращения вписанности в социальное окружение реализуется путем радикального изменения самих сетей социальных взаимодействий.

Для *бифуркационных* (кризисных) *путей выхода из габитуального кризиса* характерен тот момент, что в процессе поведенческих движений к его снятию человек может переместиться совершенно в другой сектор социального пространства. Здесь важно двигаться в направлении той палитры эмоций, которая регулирует поиск путей выхода из ситуации СН. И здесь, вероятнее всего, уже не восстановятся те разорванные практики, которые повлекли внутреннюю напряженность и послужили толчком к движению по ее преодолению. Так что сети и практическая картина в этом случае претерпевают существенные изменения.

В качестве иллюстрации одного из вариантов снятия социальной напряженности можно привести такой пример. Люди вышли на протест вследствие реальных эпизодов разрушения практик взаимодействий в их конкретной жизни. Это может быть увольнение с работы и дальнейшее разрушение практик взаимодействий на профессиональном поле, разрыв практик потребления по причине уменьшения доходов. К подобным последствиям ведут многие ситуации — отобрали бизнес, произошла экологическая катастрофа, совершено разбойное нападение, несправедливо вынесли судебное решение и лишили свободы, повысили тарифы и т.п. Если в результате подобных событий человек присоединится к протестам и найдет там свое место в качестве лидера или просто члена группы сопротивления, эти новые связи и практики вернут ему ощущение своей востребованности в обществе. В таком случае первичные разрывы, скорее всего, утратят силу эмоционального стимулятора социальной напряженности на микроуровне. Весомыми станут новые практики и то место (скажем, лидера), которое человек занял в переплетении социальных взаимодействий.

Но, как вариант, вследствие тех же поисков новых социальных взаимодействий человек может опуститься на социальное дно — начинает жить среди бомжей и нищих и находит там свое место. Нарушенные практики не восстановятся, а вот чувство вписанности в социальную ткань вернется.

Причем часто вероятность выбиться в лидеры или опуститься на “дно” не разнится радикально, все может произойти благодаря какому-то *случайному событию*. Здесь мы можем найти ответ на вопрос, почему так непросто возвращать к нормальной социальной жизни тех, кто оказался на “дне”, как и тех, кто стал профессиональным борцом за справедливость (революционером, журналистом-расследователем и т.п.). Искомое укрепление окружающей социальной ткани было найдено не путем ремонта старого, а путем образования нового комплекса ПСВ. Самый важный критерий успешности такого перемещения — вписанность в социальное пространство — был удовлетворен.

8.6. Микроуровень СН и состояния общества

В заключение рассмотрения этого пункта мы должны посмотреть, как ситуация на микроуровне выглядит в каждом из указанных трех состояний общества. В данном случае для нас важным и существенно отличающим все эти состояния на микроуровне будет то, как выглядит типичная габитуальная ситуация в каждом из этих состояний.

СС1. Состояние социальной стабильности. Небольшая вариативность габитуальных настроек на ПСВ. Для большинства членов социума — стабильность габитуса и соответствующих практик. В обществе наблюдаются единичные случаи существенных разрывов ПСВ, а соответственно — единичные случаи габитуального кризиса.

СС2. Конструктивно-адаптивная нестабильность. Габитуальные настройки на ПСВ у подавляющего большинства членов социума гибкие и вариативные. В этом заключается риск, но и адаптивный потенциал. Нарушения, разрывы в одних цепочках практик вызывают габитуальное напряжение, но оно преодолевается за счет других цепочек. Однако в этом состоянии общества габитуальный кризис, когда привычные цепочки не срабатывают, возникает у значительно большего количества членов социума по сравнению с СС1.

СС3. Деструктивная нестабильность. В этом случае наблюдается распространение случаев габитуального кризиса до критического социального уровня, когда количество тех, кто находится в состоянии социального стресса и фрустрации, критически высокое.

9. Напряженность и свобода — общий образующий механизм на уровне ПСВ

В конце рассмотрения проявлений СН на микроуровне нужно сказать несколько слов о ситуации, когда вроде бы одни и те же уменьшения плотности социальной ткани приобретают на эмоциональном уровне оттенок *не напряженности, а наоборот — свободы*. Это именно тот момент, когда мы можем увидеть скрытые семантические содержания, имеющиеся в одном и том же явлении уменьшения плотности социальной ткани. Момент семантического перехода от “свободы” к “социальной напряженности” здесь достаточно размыт, но интегральное определение СН позволяет его увидеть.

Речь идет о тех случаях, когда очень плотные “коридоры” обычных ПСВ в том или ином сегменте социальной жизни людей вдруг приобретают определенную вариативность. Это могут быть случаи ослабления тоталитарного или авторитарного режима, переход от традиционных общественных отношений к модерным и т.п. В этом случае плотность социальной ткани действительно уменьшается, но для большинства людей это выглядит как желаемое увеличение свободы выбора в осуществлении тех или иных жизненных практик. В качестве примера, в момент распада Советского Союза увеличилась вариативность практик здоровья за счет возможности выбирать некоторых врачей, легализации практик народных целителей и т.п. Аналогично практики образования тоже стали более вариативными благодаря праву выбирать для ребенка школу самостоятельно, а не только по прописке. Это снижало плотность социальной ткани, но давало ощущение свободы.

Таким образом, свобода — это то понятие, которое мы можем добавить к перечню понятий-спутников понятия СН в том случае, когда соглашаемся с предложенной концептуализацией.

В следующей части статьи будет продолжено рассмотрение предложенной концептуальной схемы, кратко представленной в таблице 1. Основной акцент будет сделан на *макроуровневом проявлении социальной напряженности* и тех прагматических выводах для системного менеджмента *напряженности*, которые из этого вытекают. Самым важным моментом для построения стратегии такого менеджмента является то, что *переходы между состояниями общества с разными уровнями СН (СС1, СС2, СС3) оказываются не постепенными (линейными), а фазовыми, скачкообразными (нелинейными)*. Поэтому далее будет показано, какие особенности менеджмента обеспечивают переходы по линиям СС1 => СС2, СС1 => СС3; СС2 => СС3; СС3 => СС1; СС3 => СС2. В том случае, когда этот переход не соответствует цели менеджера (условно — выходу на состояние СС2 конструктивной напряженности), это будет обозначаться как ошибки менеджмента. Отдельно будет обсуждаться вопрос *двух типов факторов социальной напряженности*, влияющих на ее объективную и субъективную составляющие. Завершится описание обсуждением одного из ключевых вопросов для интегративных моделей социальной динамики — как *соотносятся микро- и макродетерминизм* в этих процессах. Будет показано, что микродетерминизм неравномерно распределен как в социальном пространстве, так и во времени (то есть зависит от фазы системного состояния). Последнее имеет прямое отношение для прогноза успешности или неуспешности менеджмента СН.

Продолжение статьи и использованные источники будут опубликованы в следующем номере.

Материал получен 12.07.2018